

Искренне, 1995, 16 апр.

СОВРЕМЕННОЦА НА ЭКРАНЕ

ПЕРЕДОВОЕ искусство всегда вело бой за гуманизм, за утверждение в жизни бессмертия человеческой красоты, деяний человеческих. И силой таланта художников разных эпох в памяти человечества сохранились прекрасные черты современников. И в первую очередь — современниц. И уже сегодняшние поколения стремятся проникнуть в загадку улыбки Джоконды на портрете Леонардо да Винчи, могут часами стоять в восхищении у картин с пленительными мадоннами Боттичелли или Рафаэля, любоваться «Незнакомкой» Крамского. Не замечали ли вы, что, перечитывая стихи Петрарки, воспевающие Лауру, Данте — Беатриче, Пушкина, посвященные Керн, многое, если не все, вы соотносите с собой? Да, такова магия искусства, дарящего нам небывалую высоту сопереживания прекрасного.

Не потому ли вместе с первыми встречами с искусством, с первыми бессонными ночами, проведенными за книгами, в жизнь нашу вошло осознание высокого социального предназначения женщины в новом, социалистическом обществе. Оно было подготовлено всем ходом развития отечественной литературы и искусства.

Мы, советские люди, наследники и продолжатели этих великих традиций. Перед нами стоят величественные и сложные задачи — в художественном слове и музыке, в красках и мраморе, на экранах и на сцене воссоздать образы наших современниц, вдохновляющую красоту их дел, мыслей и чувств. Об этом думаешь сегодня, когда перечитываешь немеркнущие книги Шолохова, А. Толстого, Федина, Леонова, когда смотришь полотна таких живописцев-поэтов, как Нестеров, Рязанский, Дейнека, когда вспоминаешь прекрасные образы современниц, созданные на сцене, — Любови Яровой К. Еланской, арбузовской Тани и Анки из погдинской «Поэмы о топоре» М. Бабановой, образы А. Тарасовой, А. Степановой, Т. Пельтцер, Р. Нифонтовой и других. Можно сказать, целую эпоху в изображении женского характера в кино открыли поистине удивительное дарование В. Марецкой (Александра Соколова — «Член правительства», Прасковья Лукьянова — «Она защищает Родину»), исполненный внутренней силы и красоты талант Т. Макаровой (Женя Охрименко — «Семеро смелых», Наташа — «Комсомольск», Груня — «Учитель»), светлый лирический талант М. Ладыниной (Маринка в «Богатой невесте», Марьяна в «Трактористах», Глаша — «Свинарка и пастух»). Мы — нынешнее поколение артистов — учились и учимся у них искусству постижения народного многогранного характера нашей современницы.

МНЕ в этом смысле сразу удивительно повезло. Я приехала учиться во ВГИК из станицы Новопавловской, что на Ставрополье, и попала к таким знаменитым мастерам кино и прекрасным педагогам, как Сергей Аполлинарьевич Герасимов и Тамара Федоровна Макарова. Пожалуй, самым характерным было на их курсе высокое сопряжение поисков в воплощении актуальных гражданских современных тем с глубоким освоением классического художественного наследия. Уже на первом курсе я сыграла роль Авдотьи в инсценировке романа Г. Николаевой «Жатва». Это был сложный экзамен, потребовавший немалых духовных сил, испытания характера, творческих возможностей. Но именно этот экзамен дал мне уверенность, а С. Герасимову — возможность рекомендовать меня известному голландскому режиссеру Йорису Ивенсу на роль героини одной из новелл его фильма «Роза ветров» — советской девушки Надежды, которая отправляется на целину. А потом Сергей Аполлинарьевич пригласил меня на одну из сложнейших женских ролей — Натальи в своей экранизации «Тихого Дона» М. Шолохова. Это был подлинный творческий университет для меня, университет постижения многогранности внутреннего мира и степной красоты этой шолоховской героини, ее удивительной поэзии, лиризма и драматизма.

Так в мою жизнь вошел М. Шолохов. Встречи с ним незабываемы. Помню, после просмотра третьей серии в Москве Михаил Александрович пригласил нас к себе в Вешенскую. Мы показывали нашу картину в клубе, выступали перед станичниками. И я обратила внимание на одну женщину, которая взволнованно, неотрывно смотрела на меня. Потом, когда мы уже уходили, она подошла ко мне, обняла, смахнула набежавшую слезу: «Спасибо вам...». И Михаил Александрович, присутствовавший при этом, улыбаясь сказал мне: «Вот видишь, как тебя благодарила казачка... Запомни это». Тут же был и Сергей Федорович Бондарчук, выбиравший тогда вместе с оператором В. Монаховым место съемок для своего фильма «Судьба человека» по рассказу Шолохова. Он предложил мне: «Сыграешь роль Ирины, жены Андрея Соколова?.. Если ты сыграешь сцену прощания с ним на вокзале с таким же накалом чувств, как сцену проклятия Григория Мелехова, это будет то, что надо...».

И вот наступил тот незабываемый день. Сцена прощания в «Судьбе человека» снималась на вокзале в Тамбове. В массовке принимали участие многие местные жители, в жизни которых война оставила не заживший еще след, материнские или вдовьи утраты. И атмосфера была настолько реальной, так искренни и глубоко были переживания этих женщин, что потом многие мне говорили о почти документальной достоверности снятой сцены. Шолохов писал о моей Ирине, что у нее были «глаза мутные, бессмысленные, как у тронутного умом человека». Я долго не знала, как же можно сыграть это? И вот, когда я оказалась среди женщин на вокзале, почувствовала подлинность их переживаний, все встало на свое место: моя Ирина словно аккумулировала в себе их страдания, стала частичкой народного горя — придумывать, играть ничего не надо было. И я видела, как искренне взволнован был сам С. Бондарчук, вернее — его Андрей Соколов. Такие моменты высокого слияния судьбы человека с судьбой народной поистине незабываемы для артиста.

Пожалуй, одно из самых дорогих моих воспоминаний связано еще с одним именем удивительного поэта и художника в кино — с именем Александра Довженко. Он остался в моей памяти таким, каким я его увидела однажды, когда Юлия Ипполитовна Солнцева привезла меня к нему на дачу. Был день, напоенный солнцем. Пахло свежей сосной — от самой дачи, от простого оструганного соснового стола. Вышел он, стройный, голубоглазый, красивый, элегантный, голова — в серебре. Сел напротив. Стал рассказывать о том, как писал сценарий «Поэмы о море», он только что с Каховки приехал. А Юлия Ипполитовна поставила на янтарные доски стола тарелку с ароматной красной клубникой. И была во всем этом какая-то удивительная простота. Говорил он со мной как с равной, и я забыла, что я студентка второго курса, а он выдающийся художник. И потом, когда я уже снималась в фильмах по его сценариям (Катерина в «Поэме о море», Одарка в «Зачарованной Десне», Мария в «Повести пламенных лет»), я постоянно ощущала великую простоту его поэтического постижения современной народной жизни.

ВСПОМИНАЮ — и словно судьбу свою актерскую год за годом просматриваю, поверю довшенковской родниковой чистотой поэтического отношения, глубиной шолоховского постижения сложности и многогранности жизни. Нет, жаловаться вроде бы мне нельзя — много разных ролей сыграно в кино. А на сцене Театра-студии киноактера — Катерина в «Грозе», роль, о которой мечтает каждая актриса, мадам де Реналь в «Красном и черном» Стендаля...

И все-таки так мало еще сделано. Страна и жизнь наша такая, что в самой действительности мы видим гораздо больше прекрасного, драматически напряженного, требующего от человека всех творческих сил, нежели выходит на экраны. И прежде всего хочется рассказать о высочайшем чувстве советской женщины — о ее счастье материнства. Тысячу раз права В. Кучина, мать-героиня, писавшая недавно в газете о материнской гордости, о том, что в нашей стране многодетная мать — не просто мать, а, если хотите, «воспитатель, руководитель и организатор коллектива, все члены которого связаны между собой не только родственными узами, но и необыкновенным чувством коллективизма... Тут сама среда естественно формирует ценные человеческие качества». Разве это не тема для глубокого, интересного и важного разговора с экраном? Разве не встает здесь тема высокой гражданской и социально-нравственной ответственности матери?

И не наносим ли мы иногда вред, заставляя из фильма в фильм переходить уже избитые и изрядно поднадоевшие истории несчастных, несложившихся судеб женщин? Или истории легкомысленного, бескрылого отношения к любви, браку, семье? От скольких таких сценариев мне пришлось отказаться, трудно перечислить.

Конечно, актриса зачастую невольна выбирать, она не может до бесконечности отказываться от съемок, не находя сценария и роли по душе. И тогда невольно рождаются компромиссы, за которые ты все равно в ответе перед зрителем. Но ведь есть же, есть женщины в наших селеньях — гордые и верные красавицы подруги, мудрые матери. И право же, им нынче несть числа. И именно о них хочется говорить с экрана и сцены. Им дарить жар наших сердец, мыслей и чувств, нашу великую благодарность и любовь. Долг наших художников, донести до грядущих поколений нетленную красоту современниц.

Зинаида КИРИЕНКО,
заслуженная артистка
РСФСР.